

**SLAVIA ORTHODOXA / SLAVIA ROMANA.
ВОСТОЧНЫЙ И ЗАПАДНЫЙ КАНОНЫ.
ДИАЛОГИ С ТРАДИЦИЯМИ**

© Попович Тая (2019), доктор филологических наук, профессор, Белградский университет (Сербия, Белград, Старый Город, Студенческая площадь, 3).

В основе статьи лежит разработанная Р. Пиккио теория выделения двух путей развития славянских культур и литератур: *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*, различия между которыми обусловлены историко-идеологическими и лингвистическими факторами. Предметом исследования выступают особенности формирования и жанрово-стилевой трансформации литературы *Slavia Orthodoxa* как сложившейся под влиянием православной ветви христианства и церковнославянского языка самобытной модели культуры, диалектически связанной со *Slavia Romana* и включенной в контекст общеевропейской (мировой) культурной традиции. Делается вывод, что, хотя общие закономерности непрерывного взаимопроникновения народной культуры, языка и художественной литературы тождественны для *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*, развитие восточной славянской литературы имело свою специфику, определяющую ее современное состояние. Главная особенность *Slavia Orthodoxa* состоит в динамике литературного развития: принадлежащие к уже сформировавшемуся литературному наследию Западной Европы течения и стили воспринимались представителями *Slavia Orthodoxa* стихийно, что приводило к редукции ряда направлений и течений (например, Ренессанса и барокко) до их отдельных черт и к конвергенции различных стиливых тенденций. Своеобразная динамика литературного процесса предопределила специфическое развитие литературных форм, прежде всего, эволюцию жанров, которые рождались на пересечении национальной фольклорной традиции, церковнославянского письменного наследия и западноевропейской жанровой системы. Непрерывность развития литературы *Slavia Orthodoxa* всегда обеспечивалась благодаря ряду неизменных содержательных характеристик, к которым можно отнести наделение писателя ролью пророка и, вместе с тем, мученика, отшельника, внимание к библейским (особенно ветхозаветным) сюжетам и мотивам (Ю. Лотман), инвариантность и системообразующее значение пасхального архетипа (И. Есаулов). Подчеркивается, что, несмотря на связь *Slavia Orthodoxa* с общеевропейским культурным контекстом, самобытность ее литературы и языка является методологически значимой и должна учитываться в процессе исследования.

Ключевые слова: *Slavia Orthodoxa*, *Slavia Romana*, фольклорная традиция, церковнославянский язык, литературная эволюция, периодизация.

Во второй половине XX века возникает, особенно в структурализме, повышенный интерес к новациям в сравнительном исследовании истории и динамики славянских литератур. В медиевистике важное место занимают идеи итальянского ученого Рикардо Пиккио о двух путях развития славянских культур и литератур, получившего воплощение в *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*. Если западные славяне развиваются под влиянием католической церкви и латинского языка, то восточные свою культуру и словесность хотя и создают на основе византийского влияния, но все-таки на базе не древнегреческого, а церковнославянского языка, созданного общеславянскими просветителями св. Кириллом и св. Мефодием. Разнообразные стилистические, жанровые и общественные функции языка были определены различными модульными системами культур, что оказало огромное влияние на особую динамику развития восточнославянских литератур. Понимание идеологии текста связано с вопросами языка и стиля и риторическими приемами, причем эти вопросы рассматриваются не с внешней, а с внутренней стороны, имманентно. Библийские цитаты выполняют семантическую и образовательную роль: с их помощью утверждается общая семантика текста или *уровни значений*.

Двойственность мира европейского Средневековья упоминает и британский историк Дмитрий Оболенский при описании византийского содружества наций – *The Byzantine Commonwealth*. Это содружество, установленное в рамках и под влиянием Византийского царства, представляет собой своеобразное единство греко-славянских культур. Д. Оболенский подчеркивает космополитизм восточной империи, дух которой переняли и другие восточные нации. Он говорит о двух решительных «встречах» славянства с Византией: о переводе священных книг, осуществленном св. Кириллом и Мефодием, и духовной деятельности Афона, где переводились, переписывались и прочитывались разнообразные славянские и греческие тексты. Духовное единство византийского содружества наций, конечно, было изменчиво, расчленено на отдельные народы и государства, нередко воевавшие между собой. И все-таки восточному содружеству наций удалось сохранить «различность в единстве», начиная со второй половины IX и до середины XV века.

Данные теории Р. Пиккио и Д. Оболенского, а также другие более или менее сходные интерпретации наследия и миссионерства Кирилла и Мефодия – точнее, перевода библийских книг на славян-

ский язык, приобщения к церковнославянскому языку или отречения от него – актуализируют несколько существенных филологических, славяноведческих вопросов: о влиянии христианства на развитие европейской философии; о проблемах исторического релятивизма и различных общественных детерминант литературы и искусства; о периодизации искусства и формирования национальных литератур; об историческом континуитете и дисконтинуитете в отдельных национальных традициях; о функции литературных идиом; о развитии литературных форм; об отражении в тексте идеологических установок и мироощущения; о диалогизме речи, о модели культуры и т.д.

Ниже мы рассмотрим некоторые из перечисленных вопросов.

Эволюция и периодизация литературы

Уже к концу XIX века во французской историографии динамика европейского искусства и культуры рассматривается имманентно, так как соответствующая периодизация основывается на стилистическо-исторических принципах, которые существенно определили значение терминов «возрождение», «барокко», а позже «классицизм», «романтизм», «реализм» и т. д. Сравнительное литературоведение XX столетия во главе с Рене Уэллеком считает, что именно взаимообусловленность течений и стилей является гарантией целостности и единства европейского наследия, его культуры, искусства и литературы.

Такая предпосылка порождает очень важный вопрос современной славистики: возможно ли литературы *Slavia Orthodoxa* считать частью европейской традиции или же они представляют какой-то иной духовный и эстетический мир?

Литературные направления в западноевропейской традиции и в *Slavia Orthodoxa* не совсем совпадают; прежде всего, они неодновременны. Так, например, подлинных направлений Ренессанса и Барокко, которые возникали и развивались в Западной Европе, не было в православных странах. Сомнительно и существование «мелких» стилевых течений XVIII века (сентиментализма, рококо). Исследования в современном искусствоведении, в которых упоминаются художественные характеристики Ренессанса или Барокко в сербском или русском искусстве XV–XVIII веков, прежде всего, основаны на сходных стилистических и типологических особенностях, которые можно считать результатом прямого влияния западноевропейских

течений. Более того, в творчестве одного поэта или писателя нередко очевидна своеобразная смесь разных стилевых течений.

Например, в сербской литературной истории вместе с эмансипацией народного языка очень медленно и стихийно проявлялись лишь некоторые черты европейских стилевых направлений Нового времени. Начало новой сербской литературы (вторая половина XVIII века – до 30-х г. XIX века) связано с откликами на средневропейский сентиментализм и бидермейер. Точнее, формы гражданской сентиментальной культуры и литературы в то время связываются с фольклорным наследием; а в течение 30–40-х гг. XIX века доминирующий стиль очень подходит к европейскому классицизму, наследованному из французской культуры XVII столетия (в сербском литературоведении существует понятие «объективная лирика», обозначающее «нормативную поэтику»).

В истории западноевропейской литературы, наоборот, классицизм предшествовал сентиментализму.

Заметим также, что четкого разграничения разных течений не было. Более того, стилевые признаки отдельных течений наблюдаются одновременно в одном и том же произведении. Например, в художественных эпопеях первой половины XIX века сплетаются воедино формальная метрическая строгость классицизма, сентиментальный повествовательный тон и романтическая мятежность.

Стихийное восприятие течений и стилей влияло на специфическое развитие литературных форм и на динамику жанровой эволюции.

Язык. Речевые формы. Жанры. Стиль

Данный вопрос еще в середине XX века исследовал Роман Якобсон, указывая, что именно язык – «главное, что объединяет славян» [Якобсон 1987, 23]. Общеславянское языковое родство обеспечено родством фонетики, морфологии и синтаксиса. Поэтому для сравнительного изучения славянских литератур естественнее всего было бы сосредоточиться на тех элементах художественного творчества, которые наиболее тесно связаны с языком. Говоря об общих характеристиках поэтики, Якобсон подчеркивает давление языкового материала на словесность: на аллитерацию, на этимологические фигуры (парегменон, полиптотон, парономазия), структуру стиха (метрические модели и структура рифмы). Применяя распространенную в то время теорию взаимообусловленности мифа и языка в диахроническом, равно как и синхроническом отношении, знамени-

тый ученый настаивает на необходимости сравнительного изучения славянского фольклора, так как близкое родство славянских языков – «наиболее отчетливое проявление славянского единства» [Якобсон 1987, 24].

Когда речь идет об общеславянской письменной традиции, Якобсон обращает внимание на общий характер древнецерковнославянской литературы. Христианское ответвление классической греческой культуры через церковнославянский язык глубоко проникло в славянский мир.

В сущности, «главный герой» славянского сравнительного литературоведения – общеславянское наследие и его воздействие на славянские литературы в целом. Якобсон выделяет три типа общего наследия: родство славянских языков, общую устную традицию и древнецерковнославянский язык. С точки зрения истории литературы (литературной эволюции) важнейшими факторами межславянского взаимопроникновения оказались две силы: греческая и латинская культуры. Таким образом, частные славянские литературы и общеславянское наследие должны исследоваться в тесной связи друг с другом. Кроме того, славянские литературы также необходимо считать частью общеевропейской (мировой) культурной традиции.

Но есть и разница. Первоначальная отдельная стилевая функция латинского и народного языков в дифференциации *Slavia Romana* и *Slavia Latina* довольно рано позволила использовать народный язык как язык литературы (XV–XVI вв.). Одновременно принятый литературой народный язык стал основой свободного усваивания фольклорного наследия. Влияние народной традиции, с одной стороны, и форм античной литературы – с другой, создали новую жанровую систему, обозначив, таким образом, новый этап в развитии литератур, а также в автоматизации отдельных национальных литератур на европейском Западе (Э. Р. Курциус).

«Судьба» литературы и языка православных славян была другая, благодаря, между прочим, и сближению церковнославянской и разговорной речи, свойственному началу их письменности, т.е. средним векам. Именно потому в XVIII и XIX веке, когда литературы православных славян искали новые пути, произошел разрыв с культурной моделью средневековья, повлекший отбрасывание церковнославянского языка. Отдалявшиеся от древнего наследия, эти литературы одновременно усваивали как народный язык, так и новые темы, жанры и стили. Новые литературные принципы право-

славные (восточные) славяне искали не только в наследии собственного фольклора, но и в западноевропейской традиции.

В исканиях новых поэтических форм поэты опирались на национальную фольклорную традицию, из которой взяли язык и формулы выражения, потом на византийское или церковное наследие, из которого заимствовали религиозные темы, библейские и апокрифические сюжеты и мотивы, связывая их с современной, западноевропейской жанровой системой. В результате такой эстетической и творческой деятельности возникают гибридные жанры: религиозная поэма, стихотворные апокрифы, лирические переложения псалмов, исповедь и проповедь в романной форме (например, «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя или «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского).

Борьба народного и литературного языков

Естественный (разговорный) язык – один из главных факторов национальной культуры. «Языковая модель мира становится одним из факторов, регулирующих национальную картину мира» [Лотман 2011, 34].

Вспомним теорию Б. Успенского о переходе церковнославяно-русской диглоссии к церковнославяно-русскому двуязычию и к дальнейшему синтезу двух языковых стихий в поэтическом творчестве Пушкина.

Борьба с языком исполняла важнейшую роль в развитии славянских литератур, как указывал еще Б. Томашевский. Принятие народного языка как языка литературы привело одновременно к отказу от древней, преимущественно церковной традиции и возобновлению фольклорных жанров. Языковые реформы православно-славянских литератур протекали неоднозначно и неодновременно. Борьба и полемика затрагивали в основном грамматические вопросы и вопросы правописания, лишь иногда касаясь и вопросов слога. Последний, в свою очередь, относился к вопросу литературных форм. Например, в прозе чаще всего находим торжественную риторику церковно-славянского языка, а в жанровом смысле – влияние апокрифа, библейских книг, агиографии и летописей. Поэтические произведения, с другой стороны, формулы выражения искали либо в фольклорном наследии, либо в современной западной литературе. Заимствуя из фольклора структуру стиха (метрические модели): десятисложный стих народной поэзии, восьмисложный стих гражданской лирики или тринадцатисложный польский стих, – поэты одно-

временно перенимали и их выразительные средства, формулы, а также их идиомы. Выбор сюжета, как правило, подразумевал и выбор языка. Жанровая функция стихосложения обусловила выбор народного языка. В лирике ощущаются влияния разных литературных традиций: национального фольклора, итальянского стихосложения, стихосложения французского классицизма, гражданской поэзии. «Чужая» метрическая модель влияла и на преобразование словесного материала, касаясь преимущественно торжественной риторики. Вместе с тем, в прозе наблюдается своеобразная смесь народной и церковной идиоматики.

Значит, выбор идиом был обусловлен жанровой и стилевой функциями. Языковая диглоссия в литературах Нового времени вызвана именно разными жанровыми и стилевыми функциями языка. Причем в поэзии преобладает народный язык, тогда как в прозе сохранилась торжественная церковная риторика.

Художественное понимание литературных форм и их места в иерархии жанров нередко сопровождалось обсуждением проблем стиля и языка. Лишь позднее поэты и критики начали говорить о конструктивных принципах, о внутренних правилах отдельных литературных произведений. Столкновения эпического и лирического конструктивных принципов, народности и влияний извне, правды и фикции отражались в литературных спорах и дискуссиях (см. очерки В. Караджича, Дж. Малетича, Й. Поповича-Стерии и др. в сербской традиции или полемику между архаистами и новаторами, о которой писал Ю. Тынянов). Одновременно речь шла и о вопросах «высокого» и «низкого» стилей. Но, в отличие от предыдущих эпох, торжественный стиль больше не был обусловлен языком (идиомой). Литературное внимание сосредоточилось на приемах, на выборе тем и жанров, и особенно на конструктивных принципах прозы и поэзии.

Соотношения конструктивных принципов

Романтизм как явление стиля выполнял важнейшую роль в деформации жанровой системы. Мязежность миросозерцания связанной с ним эпохи порождала отрицание литературных законов как в выборе тем, так и в сфере конструкции форм. Традиционные роды литературы, такие как лирика, эпика и драма, перемешались. Новое понимание конструктивных принципов привело к оформлению синкретичных жанров — поэмы (стихотворной повести), лирической драмы, стихотворения в прозе.

Как давно заметил Ю. Тынянов, «деформация звука ролью значения – конструктивный принцип прозы; деформация значения ролью звучания – конструктивный принцип поэзии. Частичные перемены соотношения этих двух элементов – движущий фактор и прозы и поэзии» [Тынянов 1977, 55]. Именно такой движущий фактор, с одной стороны, повлиял на формирование гибридных жанров, а с другой – допустил оформление белого стиха, как (по)следствие риторических видоизменений стихотворения в прозе.

Диалоги различных национальных традиций

Проблема языка и стиля, очевидно, в большой степени связана с проблемой происхождения идиом и жанров. В национальном наследии встречались лишь фольклорные и святослужительные формы. Диапазон их был неширок: это были героические или религиозные поэмы или малые речевые жанры. Именно поэтому славянские писатели, получившие образование за границей (во Франции, Австрии, Италии и России), заимствовали жанры из чужого литературного наследия. Результаты такого процесса особенно видны в лирике, в использовании жанров, возникших в русле западноевропейской традиции: элегии, *Ottava Rima*, анакреонтики, сонета. Но все-таки принятие западноевропейских жанров всегда учитывало национальную традицию. Так, очень популярная форма баллады в сербской литературе деформировалась благодаря эпическому десятисложному стиху и героическим формулам выражения. *Ottava Rima* и сонет, которые, благодаря литературе ренессансного Дубровника, быстро и легко соединились с народным языком и соответствующими темами (Еффа Попович, Й. Дошенович, Й. Пачич, К. Попович, Д. Михайлович и др).

В этот же период особенно популярны были ода и анакреонтика. В русской традиции ода оформилась в результате диалога с традициями французского классицизма, а также эллинского стихосложения; а в сербской она усваивалась благодаря русскому влиянию. Похожий конвергентный процесс отразился и в анакреонтике. Почти одновременно с изданием сборника Г. Державина «Анакреонтические песни» (1804) в 1809 году напечатан первый сборник лирических стихотворений на сербском языке, автор которого, Йован Дошенович, наряду с одой и сонетом уделил большое внимание анакреонтике (особо стоит отметить его переложение ломоносовского «Разговора с Анакреонтом»).

Смесь лирических западноевропейских форм и народного стихосложения характеризует период искания национального поэтического эталона. Именно жанровая самостоятельность лирики и эпики способствовала самостоятельному развитию славянских литератур в наступающей эпохе.

Континуитет и дисконтинуитет

О дисконтинуитете и континуитете в русской словесности XVIII века писал Ю. Лотман («Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция»). «Послепетровская эпоха» в историю вошла как время разрыва со средневековой традицией и создания новой культуры, полностью секуляризованной. Но реальность была сложнее. Секуляризованная культура самими ее создателями замышлялась в традиционных формах как новое крещение Руси (похожий процесс, заметим, проходил и в XX веке, в проекте большевиков по созданию научного атеизма). Кроме того, традиция русской (православной) средневековой культуры не была однозначна, она создала двойную модель религиозной и светской письменности, не порывающую до конца со средневековьем.

Ю. Лотман подчеркивал одну из важнейших характеристик письменности, унаследованную от древних времен: писатель, книга и текст в идеале – носители высшей истины. Литературе приписывалась пророческая функция, что естественно вытекало из средневеково-религиозного представления о природе Слова. Создание светской, полностью мирской литературы на основе русской светской культурной традиции, осложненной европейскими влияниями, должно было лишить Слово его мистического ореола и превратить его в слово человеческое, подлежащее проверке и критике.

Не случайно слово «художник» в языке XVIII века применяется к ремесленнику. Поэт не художник, он выступает в роли носителя высшей истины, он пророк. Таким образом, поэтическое слово получает ценность слова, дарованного свыше, наделенного особым авторитетом (ср. стихотворения «Пророк» у А. Пушкина и М. Лермонтова).

Появляется новый вдохновитель – государство, например, в творчестве М. Ломоносова. В результате такой ситуации возникают гимны и оды, посвященные не чему-то сакральному, а Государству. Похожий процесс очевиден и в сербской традиции, например, Захарије Орфелин в середине XVIII века, в эпоху «безгосударственно-

сти», написал «Плач Сербии» и «Горестный плач Сербии» (1761); через полвека Доситей Обрадович в ходе Первого сербского восстания против турок и восстановления сербского государства написал гимн «Востани Сербіје» (1808).

Ю. Лотман также заметил, что, благодаря пониманию высокой общественной миссии поэта-прорицателя, интерес к ветхозаветным сюжетам и мотивам проявлялся более, чем к новозаветным. В русской поэзии очень много переложений псалмов, которые становятся отдельным жанром; в сербской литературе конца XVIII и первой половины XIX века господствующий жанр – поэма с ветхозаветным сюжетом (об Аврааме, об Иосифе и его братьях, о Юдифи, о Товии), представленная в поэтическом творчестве Викентия Ракича, Гаврила Ковачевича и Милована Видаковича, а позже и в поэзии одного из крупнейших поэтов сербского романтизма – Лазы Костица («Самсон и Далила»).

Ю. Лотман указал и на роль писателя как мученика, отшельника («Именно эта способность подкрепить авторитет слова мученическим подвигом дает право на место пророка» [Лотман 1994, 369]); на писателя, который и писал о юродстве, и как юродивый «возлюбил свою бедность» (приводя примеры из творческой биографии Н. Гоголя и Л. Толстого, связанные с бездомным образом жизни, отказом от комфортного быта и другими схожими явлениями).

В настоящее время, т. е. в современной русской литературе, похожие сюжеты и идеологию находим, например, в романе «Лавр» Е. Водолазкина. В этом смысле интересны сходства и различия между современными всемирно известными романами с историческим сюжетом из средневековья: «Именем розы» У. Эко, «Меня зовут Красный» О. Памука, «Хазарским словарем» М. Павича и «Совершенной памятью о смерти» Р. Петковича. В их центре – уединенный герой, подвижник, монах, отшельник. Но сюжетная обработка неодинаковая. В названных сербских романах, как и в «Лавре» Е. Водолазкина, отсутствует ярко выраженная детективная фабула, хотя в «Имени розы» У. Эко она играет важную роль. Проводя указанные сопоставления, мы найдем разное отношение к любви, к Другому, особенно к женщинам, а также к вопросу о «личной жертве» (из чего возникает и (не)готовность к полному отбрасыванию светской, мирской жизни (такая готовность присуща только «восточному» роману)); разное понимание этических и государственных (юридических) категорий, таких как месть и милосердие (милосердие отсутствует в «западных» романах). С другой стороны, в центре и «западных», и

20

«славянских» романов стоят идеологические вопросы, относящиеся к современному пониманию культуры и истории. Общим для них является также тяготение к экуменизму или к примирению Востока и Запада, а разница – в подходе: рациональном в «западном» романе и эмоциональном – в «славянском».

Вернемся к XVIII веку, для которого, по мнению Ю. Лотмана, характерны стремление отделить христианство от церковности и обусловленное им возникновение «политической религии» (выражение Петра Чаадаева).

Все эти свойства противоречивого развития русской постпетровской культуры или постсредневековой культуры в *Slavia Orthodoxa* стали определяющими для развития искусства и литературы Нового времени.

Однако секуляризация культуры не затронула глубоких структурных основ национальной модели, сложившихся в предшествующие века. Набор основных функций сохранился, хотя материальные носители этих функций изменились.

Подводя промежуточные итоги, скажем, что Ю. Лотман предвосхитил новые темы и новые подходы исследования *Slavia Orthodoxa*, получившие развитие в постмодернизме и постструктурализме.

Но существует и иная научная установка, которая актуализует далекий контекст понимания и которая тоже оказала большое влияние на идеологию постструктурализма. Речь идет о теориях М. Бахтина и их восприятию на Западе. Согласно бахтинскому подходу, великие литературные произведения «разбивают грани своего времени» [Бахтин 1986, 350], они «как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания» [Бахтин 1986, 350]. В процессе «своей посмертной жизни» произведения «обогащаются новыми значениями, новыми смыслами» [Бахтин 1986, 350].

Так, уже упомянутый Е. Володазкин указал на два возможных подхода к сравнению современной литературы и наследия средневековья: искать в средневековье, в прошлом, то, чего нет в современном мире, и наоборот: определить, что в современном мире есть от предшествующих времен.

Сергей Бочаров использует категорию генетической памяти литературы, говоря о «странных сближениях» более или менее удаленных друг от друга в пространстве и времени произведений и текстов, которые невозможно или трудно объяснить прямым влиянием текста на текст и сознательной целью писателя.

Андрей Ранчин рассматривает библейскую образность в древнем и нововековом искусстве, мотивы смирения и кротости в словесных произведениях, входя одновременно и в сферу литературного генезиса, и в сферу мирозерцания.

В центре исследований Ивана Есаулова идеология текста. В словесном наследии *Slavia Orthodoxa* он подчеркивает своеобразный *христоцентризм*, присущий не только древнерусской словесности, но и русской литературе Нового времени. Однако христоцентризм является также важнейшим атрибутом христианской культуры как таковой. Годовой литургический цикл ориентирован как раз на события жизни Христа. Основными из них являются Его Рождение и Воскресение. Поэтому важнейшими событиями литургического цикла являются празднование Рождества и Пасхи. Если в западной традиции можно усмотреть акцент на Рождество (и соответственно говорить о *рождественском* архетипе), то в традиции Восточной Церкви празднование Воскресения остается главным праздником не только в конфессиональном, но и в общекультурном плане, что позволяет высказать гипотезу о наличии *пасхального* архетипа и его особой значимости для православной культуры. С этой точки зрения И. Есаулов интерпретирует понятия «благодать», «соборность», «юродство», «ипостась» и т. д.

Выводы

Несмотря на различия между западной и восточной славянскими литературами, процесс взаимопроникновения народной культуры, языка и письменного наследия всегда происходил по тождественным правилам. Частично он был связан с современным понятием нации и отношениями между принципами индивидуального и коллективного идентитета. Но если исторические течения восточных и западных европейских литератур шли разными путями, то это различие отразилось и на динамике их развития. Современные литературы, некогда принадлежащие *Slavia Orthodoxa*, в творческом процессе перехода с языка книги на разговорный язык имели перед собой иногда более разнообразное художественное наследие, чем литературы *Slavia Romana* в эпоху Ренессанса или Барокко. В частности, интересна литературно-лингвистическая ситуация в русской культуре, которая с XVIII века и позже интенсивно восстанавливает диалог с западноевропейским наследием. Влияние французского, немецкого, а также английского языков как языков дворян и образо-

ванных общественных слоев, обеспечило внутреннее приобщение к западноевропейскому наследию в целом. С другой стороны, на юго-западе Европы, у сербов, которые получили образование в итальянских и австрийских университетах, ощущается некоторое влияние средневропейских стилевых и жанровых тенденций. Именно с этой точки зрения можно говорить о тенденциях Барокко, Классицизма или Рококо в художественном творчестве *Slavia Orthodoxa*. Причем эти разнообразные художественные тенденции взаимодействуют с фольклором и местным наследием.

Особенность литературного развития в *Slavia Orthodoxa* должна учитываться и при исследовании художественного творчества в ее современном ареале. Тогда решится и вопрос о том, существует ли дисконтинуитет в историческом развитии болгарской, сербской, русской или новогреческой литературы. Источники европейской литературы одни и те же, соответственно, родственными необходимо считать и их эволюции. Разница между наследием Востока и Запада в большинстве случаев обусловлена внелитературными факторами. Эта разница породила нетождественность динамики литературной эволюции, но не оказала влияния на структуру и закономерность самого процесса.

В заключение надо подчеркнуть, что литературы и язык *Slavia Orthodoxa*, без всякого сомнения, внутренне и исторически образуют особую модель культуры, развивавшуюся по-своему не только в средневековье, но и позднее, в процессе формирования современных образцов национальной словесности. Этот факт не означает их отстранение от общеевропейской литературы и культуры, но требует от каждого исследователя учитывать их своеобразие.

Литература

Бахтин 1986 – Бахтин М.М. *Ответ на вопрос редакции «Нового мира»* // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 347–354.

Лотман 1994 – Лотман Ю.М. *Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция* // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 364–379.

Лотман 2011 – Лотман Ю.М. *Анализ поэтического текста* // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 2011. С. 18–252.

Тынянов 1977 – Тынянов Ю.Н. *О композиции «Евгения Онегина»* // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 52–77.

Якобсон 1987 – Якобсон Р.О. *Основа сравнительного славянского литературоведения* // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 23–79.

SLAVIA ORTHODOXA / SLAVIA ROMANA. EASTERN AND WESTERN CANONS. DIALOGUES WITH TRADITIONS

© **Popovic Tanja** (2020), Doctor of Philology, professor, University of Belgrade (Studentski trg 3, 11000 Belgrade, Serbia).

The article is based on the theory developed by P. Picchio's of two ways of development of Slavic cultures and literatures, Slavia Orthodoxa and Slavia Romana, which differ due to historical-ideological and linguistic factors. The subject of the study is the peculiarities of the formation and genre and style transformation of Slavia Orthodoxa literature as an original model of culture influenced by the Orthodox branch of Christianity and Slavic Church language, dialectically related to Slavia Romana and included in the context of the European (global) cultural tradition. Although the general patterns of continuous interpenetration of folk culture, language, and fiction are the same for Slavia Orthodoxa and Slavia Romana, the development of Eastern Slavic literature had its own specifics that determine its current state. The main feature of Slavia Orthodoxa is the dynamics of literary development: the trends and styles of the already formed literary heritage of Western Europe were uncontrollably perceived by the representatives of Slavia Orthodoxa, which led to the reduction of a number of directions and trends (such as Renaissance and Baroque) to their individual features and to the convergence of different stylistic trends. The peculiar dynamics of the literary process predetermined the specific development of literary forms, primarily the evolution of genres that were born at the intersection of national folklore tradition, written Church Slavonic heritage and Western European genre system. The continuity of the development of Slavia Orthodoxa literature has always been ensured by a number of invariable substantive characteristics, which include the role of a prophet and, at the same time, a martyr, a hermit, attention to biblical (especially Old Testament) themes and motifs (Lotman), the invariance and systemic significance of the Easter archetype (Yesaulov). Despite the connection of Slavia Orthodoxa with the pan-European cultural context, the identity of its literature and language is methodologically significant and should be taken into account in the research process.

Keywords: Slavia Orthodoxa, Slavia Romana, folklore tradition, Slavic Church language, literary evolution, periodization.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Бахтин 1986 – Bakhtin M.M. Otvet na vopros redaksii «Novogo mira» [The answer to the question of the editorial staff of the "Novy Mir"]. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986, pp. 347-354. (In Russian).

Лотман 1994 – Lotman YU.M. Russkaya literatura poslepetrovskoy epokhi i khristianskaya traditsiya [Russian literature of the post-Petrine period and Christian tradition]. Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow, 1994, pp. 364-379. (In Russian).

Лотман 2011 – Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta [Poetic text analysis]. Lotman YU.M. O poetakh i poezii [About poets and poetry]. Saint-Petersburg., 2011, pp. 18-252. (In Russian).

Тынянов 1977 – Tynyanov Yu.N. O kompozitsii «Evgeniya Onegina» [About the composition "Eugene Onegin"]. Tynyanov YU. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, 1977, pp. 52-77. (In Russian).

Якобсон 1987 – YAkobson R.O. Osnova sravnitel'nogo slavyanskogo literaturovedeniya [The basis of comparative Slavic literary criticism]. YAkobson R.O. Raboty po poetike [Poetry works]. Moscow, 1987, pp. 23-79. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.02.2020